

О смертной казни. (ОТРЫВКИ ИЗ РАЗГОВОРА).

А. Вы не признаете, что смертная казнь есть справедливое, логически необходимое наказаніе за убійство?

В. Отнюдь не признаю.

А. Но позвольте, находите же вы логичнымъ и справедливымъ, когда похищенное отнимается у похитителя. Такъ почему же тотъ же принципъ не долженъ какъ-то примѣняться и здѣсь? Ты отнял жизнь у другого, ну такъ отдай свою, ибо жизни равноцѣнна лишь жизнь. Это элементарно и настолько логично и справедливо, что всякое иное, меньшее наказаніе убійцы было бы либо преступною слабостью, либо недомысліемъ.

В. Въ вашей элементарной логикѣ и справедливости кроется элементарное же отступленіе отъ того и другого, отчего вы и приходите къ вашему, извините меня, нелѣпому, не говоря уже о его нравственной недопустимости, выводу.

А. Охотно извиню вамъ, если вы мнѣ это докажете.

А. Попытаюсь. И прежде всего аналогія ваша никуда не годится, ибо цѣль отобранія похищеннаго есть прежде всего **возмѣщеніе** его потерпѣвшему. Казня же убійцу, вы не воскрешаете его жертву, а стало быть, и съ точки зрѣнія возмѣщенія свершаете актъ безсмысленный и ненужный. Но, разумѣется, смертная казнь не руководится столь «элементарнымъ» недомысліемъ, а опирается на нѣчто иное, а именно и прежде всего на **чувство мести**, понуждающее причинить убійцѣ по меньшей мѣрѣ то же страданіе, которое онъ причинилъ своей жертвѣ, а затѣмъ на соображеніи объ **огражденіи общества** отъ такихъ же преступленій въ будущемъ черезъ **устрашеніе**. Сколь можетъ быть

оправдываема мечь, и сколь цѣлесообразно такого рода устрашеніе, это вопросъ другой, который попытаюсь разрѣшить послѣ того, какъ вы мнѣ отвѣтите на слѣдующій: за что именно вы казните убійцу?

А. Какъ за что? Да вотъ именно за убійство.

В. Да, но за всякое ли убійство?

А. Ну, разумѣется, за убійство сознательное, а не невольное.

В. Вотъ это мнѣ и нужно. Стало быть, вы осуждаете сознательную волю къ убійству и притомъ превышаете всего, ибо за волю эту предѣльно наказываете. Такъ не впадаете ли вы тутъ въ очевидное противорѣчіе, ибо предѣльно осуждая сознательную волю къ лишенію жизни другого, вы тутъ же оправдываете и утверждаете смертную казнь, т. е. ту же сознательную волю къ убійству.

А. Да, но позвольте, ваше разсужденіе было бы вѣрно, если всякое сознательное лишеніе жизни, какъ таковое, было бы недопустимо. Но вѣдь это не такъ. Тотъ же законъ допускаетъ убійство при самозащитѣ, или защитѣ другого, или, наконецъ, на войнѣ. Смертная же казнь есть не что иное, какъ общественная самозащита, а потому такое своевольное «убійство», какъ вы его называете, допустимо.

В. Прежде всего позвольте исправить вашу неточность. Законъ вовсе не убійство допускаетъ въ указанныхъ вами случаяхъ. Онъ допускаетъ лишь всѣ мѣры самозащиты, всѣ мѣры обезвреженія нападающаго. И если въ примѣненіи этихъ мѣръ, повторяю, — съ цѣлью самозащиты, а не убійства нападающаго, — вы невольно лишаете его жизни, то законъ, разумѣ-

ется, васъ за это не наказываетъ, но это-го и не поощряетъ. Но, сознайтесь же, примѣнима ли эта аналогія самозащиты къ смертной казни. Возможно ли утвержде-ніе, что общество невольно лишаетъ жизни, казня смертью преступника, въ са-мозащитѣ, не имѣя иного способа себя отъ него защитить? Вѣдь общество-то располагаетъ всѣми возможностями обез-вредить убійцу, не убивая его, не давя его, уже связаннаго и беззащитнаго, всей своей торжествующей массой. Такое убій-ство несравненно подлѣе убійства обык-новеннаго, всегда сопряженнаго съ опас-ностью и рискомъ отвѣтственности, и вотъ почему такъ мучительно стыдно за каж-дую смертную казнь. Вспомните хоть за-мѣчательное по ситѣ и искренности сти-хотвореніе Хомякова; да ужъ позвольте мнѣ его процитировать полностью:

«Ты вихремъ летишь на конѣ боевомъ
Съ дружиной твоей удаю.

И врагъ побѣжденный упалъ подь ко-
немъ,

И плѣнный лежитъ предъ тобою.

Сойдешь ли съ коня ты? Поднимешь
ли мечъ,

Сорвешь ли безсильную голову съ
плечъ,

Пусть бился онъ съ дикимъ неистов-
ствомъ брани,

По градамъ и селамъ пожары простеръ,
Теперь онъ подъемлетъ молящія длани,
Убьешь ли? О, стыдъ и позоръ!

А если васъ много, убьете ли вы
того, кто схваченъ цѣпями,
Кто стоптанный, въ прахѣ, молящей
главы

Не смѣетъ поднять передъ вами?

Пусть духъ его черенъ, какъ мракъ
гробовой,

Пусть сердце въ немъ подло, какъ
червь гноевой,

Пусть кровью, разбоемъ онъ весь
знаменованъ,

Теперь онъ безсиленъ, угасъ его взоръ,
Онъ властію связанъ, онъ ужасомъ

скованъ

Убьете-ль? О, стыдъ и позоръ!»

А. Да, стихи прекрасные. Пусть такъ; уступаю Хомякову и вамъ и эту свою ана-логію. Но не будете же вы все же утверж-дать, что смертная казнь и убійство под-лежать совершенно той же моральной оцѣнкѣ. Не ясно ли, въ самомъ дѣлѣ, что убійство по злобѣ и ненависти, или для какой-либо своей выгоды — это одно, а казнь, руководимая справедливымъ него-дованіемъ и стремленіемъ къ общему бла-гу, въ огражденіе общества отъ возмож-ности преступленій въ будущемъ — это совершенно другое? Тутъ все дѣло въ намѣреніи и, стало быть, оно лишь одно опредѣляетъ оцѣнку.

(Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ)

Драшусовъ.

Въ порядкѣ обсужденія. ДВИЖЕНІЕ И СОВѢТСКАЯ РОССІЯ.

Въ Движеніи, очевидно, назрѣла по-требность въ болѣе четкомъ отношеніи къ вопросамъ современности. Доказа-тельствомъ этому служатъ рядъ статей о совѣтской молодежи, помѣщенныхъ въ «Вѣстникъ» за послѣднее время. Я хочу

поэтому воспользоваться еще разъ го-степріимствомъ редакціи и слѣдатель-ско сколько заключеній по поводу отвѣта Л. Г. на мою замѣтку*).

*) «Вѣстникъ» № 2, 33 г.